

О языковом влиянии оригинала на перевод
в хорватско-глаголических текстах
На материале памятников в Венгрии и нескольких фрагментов
Ивана Берчича

ИМРЕ БОТОШ

BOTOS Imre, Budapest, Tompa u. 22., H-1094

Abstract: On the basis of Croato-Glagolitic documents found in Hungary and parts of Ivan Berčić's fragments, the paper intends to describe the effect Latin texts had on Old Church Slavonic texts in Croatian edition translated from Latin. This impact can be characterized as 1) external (on the outward appearance of the codex sheet, especially on the shape of letters) or 2) linguistic (on the vocabulary, grammar, and style). In terms of the way this influence is exerted, one can distinguish between 1) direct (individual) influence (the impact of a certain passage on the corresponding part of the translated text) or 2) indirect (cumulative) influence (a joint effect of identical phenomena—occurring in various Latin texts—on several Croato-Glagolitic passages, independently of the given passage). Direct influence is exemplified by identical initials, most cases of poetic usage of synonyms, in grammar by *participium instans*, and negative direct influence is apparent when a passage of the Bible is translated incorrectly. Cumulative influence is present in most initials taken from Latin, in poetic usage of synonyms beyond the given Latin text, and in the recurring use of Latin liturgical terms and their calques in the rubrics. The impact of the Latin original has a mainly positive and enriching character. At the same time, harmful effects are quite rare.

Keywords: Croato-Glagolitic documents in Hungary, Ivan Berčić, translation of passages from the Bible, translation of a translation, *instans* verbal forms, incorrect translation

Переводчики хорватско-глаголических текстов делали свою работу с тонким чутьем языка: они не следили за оригиналом слово в слово, а имели в виду два принципа — точное смысловое соответствие латинскому тексту и уважение норм того языка, на который они переводили, т.е. церковнославянского языка хорватской редакции.

Тем не менее, язык латинских оригиналов в известной мере наложил свой отпечаток на переведенные с этого языка хорватско-глаголические тексты. Начиная с формальных элементов такого влияния (я имею в виду форму известных букв) вплоть до некоторых лексических, грамматических и стилистических явлений, обнаруживаются следы — в большинстве случаев обогащающего — воздействия латинского языка.

1. Влияние латиницы на форму некоторых букв

Рассмотрим, сначала, факты формального влияния, т.е. случаи проникновения отдельных букв из латиницы в глаголицу.

Конечно, уж сама наружность любого листа любого церковного кодекса, написанного хорватской глаголицей, сильно напоминает

внешний вид листа латинского кодекса. И естественно, что на форму букв повлияли прежде всего те элементы письма, которые наисильнее бросаются в глаза, т.е. инициалы.

Употребление латинских инициалов вместо глаголических встречается довольно часто, но нерегулярно, и не обнаруживается тенденция вытеснения глаголических инициалов латинскими.

В отличие от инициалов, строчная буква *m*, перешедшая из латиницы в глаголицу гораздо раньше, употреблялась, как известно, регулярно и исключительно, вытеснив собой «старую» оригинально-глаголическую букву *𐹞*, написание которой была значительно сложнее чем написание «новой» *m*. Но там, где буква *m* стояла в лигатуре с другой буквой, продолжали пользоваться «старой» *𐹞* (*𐹞 ml*, *𐹞 mž*), поскольку «новая» — латинская — *m* не была очень пригодна к такой лигатуре.

Как инициал употребляется, конечно, тоже латинская *M*. См., например, в фрагментах Ивана Берчича (Вялова, Faksimili т. I) в столбцах 5v, 37a, c, d, 64b, 76a, 122c и т.д., *passim*.

Другое, более новое явление — это факультативное пользование иными латинскими инициалами (наряду с глаголическими).

В этом отношении наблюдается как непосредственное влияние латинского письма (там, где в латинском оригинале фигурирует та же прописная буква, что и в переводе), так и более широкое уже пользование латинскими инициалами (вне зависимости от данного места оригинала).

Пример первого — инициал T в латинском тексте *Te deum laudamus...* и в глаголическом тексте *Tebe b(ož)e [hv]alim[ь]* с латинской T в фрагменте бревиария из XIV в., хранящемся в Венгрии (Botos 1990, 51, 53, факсимиле: 56; пятистрочный инициал). На том же месте (35b) Пашманского бревиария (тоже из XIV в., см. Štefanić 1969, Nr. 96) мы находим совсем похоже оформленный, шестистрочный инициал T¹. Неизвестно, была ли какая-нибудь связь между Пашманским бревиарием и будапештским фрагментом (предположительно, никакой связи не было), но связь формы данного инициала в каждом из них с формой соответствующего инициала в латинском оригинале несомненна.

Примеры же пользования латинскими инициалами уже вне непосредственной зависимости от оригинала, т.е. и в таких случаях, где в латинском тексте не мог фигурировать тот же самый инициал, что и в славянском, мы находим в сравнительно большом количестве в фрагментах Ивана Берчича. См., например: Вялова, Faksimili (и Описание) т. I, 41c — латинский инициал S; 67a — A; 67b — B, S и т.д. Латинская буква V употребляется чаще других латинских инициалов, см. напр., т. II, 21c, d, 26b, 63a, 66c, 77a, 77b, d, 85a, 98b, d, 99c, d, 100a, 101b и на многих других местах. Интересны случаи начертания как бы промежу-

¹ Микрофильм с соответствующего листа кодекса мне любезно прислала Библиотека Академии наук и искусств в Загребе.

точной формы между глаголической (ш) и латинской (ш) формой этой буквы. Основой сходства между глаголической и латинской формами является то, что в обеих налицо два столбика — параллельных в глаголической букве, конвергентных в латинской (ср. напр., т. II, 79с, 99с, d).

Латинский инициал S встречается не только в нормальной форме, смотрящей направо (S — т. I, 41с, т. II, 159b), но и в обратной, смотрящей налево (S — т. II, 22с, 24b). Такое начертание, по всей вероятности, было возможно лишь тогда, когда соответствующая часть латинского текста начиналась не на S.

2. Влияние оригинала на стиль перевода.

Примеры высокого уровня перевода с латинского языка

Стиль глаголических текстов, переведенных с латыни, как правило, отражает стиль соответствующих латинских текстов.

Стилевое влияние латинского текста легче всего улавливается там, где и сам латинский текст является переводом, т. е. где цитируются библейские места. Сопоставляя сначала текст древнееврейский (если источник — Ветхий Завет) или греческий (если источник — Новый Завет) с латинским, а потом латинский текст с хорватско-глаголическим, мы можем судить о степени близости стилистических средств в последних двух. Возьмем, например, место из Исаии (5, 8):

הוֹי מַגִּיעִי בַּיַּת בְּבַיַּת שָׂדֵה בְּשָׂדֵה יַקְרִיבוּ *hōj maggi'ē βajiθ βαβajiθ sāde βāsāde jaqrīβū*. В дословном переводе: 'Горе придвигающим дом к дому, поле к полю приближают'.

В латинском переводе (текст Вульгаты): *Vae qui coniungitis domum ad domum et agrum agro copulatis*. Дословно: 'Горе [вам], которые связываете дом к дому (с домом) и поле к полю (с полем) присоединяете'.

В хорватско-церковнославянском переводе (Das Budapester kroatisch-glagolitische Adventsblatt [Botos 1989, 200], строки b33–c1): *Jugore iže s'kladaete d(o)ť k' domu i selo k' selu s'tiskaete*².

Поэтический порядок слов *a-b-b-a* (т. е. глагол–объект–объект–глагол) сохраняется в обоих переводах. В значении же употребляемых глаголов-синонимов наблюдается оттеночная разница в древнееврейском оригинале, с одной стороны, и в латинском и церковнославянском текстах, с другой. Оба древнееврейских глагола (מַגִּיעִי *maggi'ē* и יַקְרִיבוּ *jaqrīβū*) имеют базовое значение приближения (ср. הִגִּיעַ *higgi'a* 'пришел'; קָרַב *qarōβ* 'близкий'), в то время как латинские *coniungitis* и *copulatis*, так же как и славянские *s'kladaete* и *s'tiskaete*, более подчеркивают элемент (тесного) присоединения.

² Здесь и в дальнейшем пользуюсь транслитерацией, употребленной Вяловой (2000, Описание фрагментов, см. особенно таблицу на стр. 133, приведенную по изданию Rječnik crkvenoslavenskoga jezika hrvatske redakcije, 1. Uvod. Zagreb 1991, с. XLVI).

Употребление подобных синонимических параллелей в поэтических библейских местах наблюдается весьма часто. Ср. там же (Ис 5,5, по Вульгате): *auferam sepem eius et erit in direptionem: diruam maceriam eius et erit in conculcationem*.

В хорватско-церковнославянском переводе (Вялова, Faksimili, т. I 41a 16–19 [в бревиарии из начала XV в., в чтении на 2-е воскресенье адвента]): *Otиму plot' ego' i budеть v rashićenie· Razo/ru gromaču ego i budеть v pol/pranie*.

Так же и на Будапештском адвентском листе (Botos 1989, 199, b14–17 [XV в., в чтении на 3-е воскресенье адвента]): *i otimu plotъ ego i b/udеть v rashićinie [sic!]· Razor/u gromaču ego· i budеть v plopr[a]nie*.

Множество таких мест поэтического стиля несомненно положительно повлияло на стиль текстов, переведенных с латинского языка.

Особенно интересен перевод одного из мест цитированного текста (Ис 5, 10), где в параллельных фразах употребляется не два разных глагола, а один и тот же глагол — как в древнееврейском оригинале, так и в (греческом и) латинском переводе и на соответствующем месте данного фрагмента Берчича, но на Будапештском адвентском листе налицо два разных глагола.

В оригинале:

בִּי עֲשֶׂרֶת צִמְדֵי־כֶרֶם יַעֲשׂוּ כֵת אֶחָת
וְזֶרַע חֹמֶר יַעֲשֶׂה אֵיפָה:

kī 'āsereθ cimdē-ḫerem ja 'āsū baθ 'eḫāθ wāzera 'ḥomer ja 'āse 'ēqā. В дословном переводе: 'Ведь десять участков виноградника сделают (дадут) один бат, и хомер [посеянного] зерна сделает (принесет) ефу'. (Глагол один и тот же: יַעֲשׂוּ ja 'āsū 'сделают', יַעֲשֶׂה ja 'āse 'сделает'.)

В греческом тексте Септуагинты также повторяется тот же самый глагол. Похоже и в Вульгате: *Decem enim iugera vinearum facient lagunculam unam et triginta modii sementis facient modios tres*. (Оба глагола: *facient*.)

На фрагменте Берчича (Вялова, I, 41b 6–8): *dese(tъ) bo plo..in' (?) vinograda / stvoritъ žbanacъ edin' · ĩĦĦ' (= 30) spudi stvoretъ spudi tri*. (Глагол один и тот же: *stvoritъ – stvoretъ*.)

На будапештском же листе (Botos 1989, 200, с6–10): *Dlesetъ ubo gonai vinograda· stvolretъ žbanacъ edinъ· i · ĩĦĦ'· spuldi sieve rodetъ tri spudli*. (Глаголы разные: *stvoretъ – rodetъ*.)

Это можно считать переводом высокого качества, при котором в параллельных выражениях употребляется два разных глагола даже там, где в оригинале налицо один и тот же глагол (*facient ... et ... facient* → *stvoretъ ... i ... rodetъ*). Влияние оригинала тут уже не является непосредственным (это не влияние данного места оригинала на данное место перевода), а кумулятивным влиянием многих похожих мест, где во фразах-параллелях обычно употребляются не тождественные слова, а синонимы.

3. Грамматическое влияние латинского оригинала на язык церковнославянского перевода. Появление своего рода *participium instans*; случаи применения *praeteritum instans*

На Будапештском адвентском листе (202, d10–11) в тексте респонсория, читается: *Juže priti hotě e(stb) i ne / zaksnitъ*.

Сопоставляя это с текстом латинского breviария (*Breviarium Romanum. Venetiis 1478*), мы находим: *Qui venturus est veniet et non tardabit*. (Судя по церковнославянскому тексту, можно предположить и такой вариант: **Jam venturus est et non tardabit*.)

Словоформа *venturus* как *participium instans* общеупотребительна в латинском языке, но для славянских языков такая грамматическая форма не характерна. Переводчик, может быть, сам создал соответствующую сложную форму *priti hote*, пользуясь глаголом *hotěti* (> *hteti*), который был уже общеупотребителен в народном языке в качестве вспомогательного глагола будущего времени. Для выражения нужной словоформы переводчик применил причастие этого вспомогательного глагола. Итак, под влиянием лат. *venturus*, появилась форма *priti hote*; и — соответствуя выражению *venturus est* — *priti hotě estъ* (с удлинением гласного *e* перед звуком *j*).

Тот же самый вспомогательный глагол будущего времени *hotěti* употребляется и для передачи глагольной формы *praeteritum instans moriturus erat* (Ин 11, 51). На одном из фрагментов в Венгрии — на листе breviария из первой половины XV в. с текстом из литургии страстной пятницы (Botos 1991–92, 104, b30–33) — читается: *Čto estъ ubo ež/e kaěpa prorēče: Zane i/(su)sъ hotěše umrěti za / ljudi*.

Речь идет не о прямой цитате, а о ссылке на библейское место в рамках омилии, но отдельные части текста точно совпадают с соответствующими фразами евангелия. Сравним вышеприведенную фразу со следующим отрывком из греческого оригинала (Nestle 269) и латинского перевода (*iuxta Vulgatam versionem*): (Καϊαφᾶς) ἐπροφήτευσεν· ὅτι ἔμελλεν Ἰησοῦς ἀποθνήσκειν ὑπὲρ τοῦ ἔθνους. (Caiphaz) prophetavit, quod Jesus moriturus erat pro gente.

Выражение *hotěše umrěti* соответствует греч. ἔμελλεν ἀποθνήσκειν и лат. *moriturus erat*. Хотя сама грамматическая конструкция *hotěše umrěti* ближе к греческому, чем к латинскому выражению, не может быть сомнения, что перевод сделан с латинского текста, где ссылка на евангельское место не могла не содержать выражение *moriturus erat*. Дело в том, что грамматические средства выражения понятия будущего в прошлом в славянских языках и в греческом совпадают (корень вспомогательного глагола выражает намерение, следовательно, и понятие будущего, а данная его грамматическая форма выражает понятие прошлости), в отличие от грамматических возможностей латинского языка

(где привычно применение причастия будущего времени, следовательно, глаголу-связке остается лишь выражение прошлости)³.

Встречается и такое место, где в латинском оригинале *participium instans*, а в славянском переводе придаточное предложение с глаголом в форме *praeteritum instans*. В латинском *Breviarium Romanum* (1478, в тексте омилии на страстную пятницу) читается: *Hic docemur etiam homines malos prophetiae spiritu futura praedicere*. В соответствующем хорватско-глаголическом тексте (Botos 1991–92, 103 a27–30) мы находим: *Sie da poznaem' / êko i po čl(o)v(ê)cêhь zalihь / pr(o)r(o)č(b)stvo d(u)ha eže imêše / biti proricaše*. Итак, то, что в оригинале выражено формой множественного числа среднего рода причастия будущего времени *futura*, в переводе передано придаточным предложением с глаголом в форме *praeteritum instans*: *eže imêše biti* (где в роли вспомогательного глагола, выражающего будущность, употреблен не *hotěti*, а *iměti* — это говорит о том, что оба глагола и в новой роли сохранили и оттенок своего первоначального значения).

4. Ошибочный перевод библейского места под влиянием ошибочного латинского перевода

В столбце 41a I тома фрагментов Берчича (см. Вялова Faks., а также Описание стр. 19) в чтении на 2-е воскресенье адвента (Ис 5,1) фигурирует выражение *s(i)na olêê*. Тот же текст мы находим и на Будапештском адвентском листе в столбце a (но как чтение на 3-е воскресенье адвента), с тем же выражением *sinu olêê* (см. Botos 1989, 198, a33).

Контекст, в котором это выражение помещается, на Будапештском листе, следующий: *Vinogradь / stvorenь bistь vzljublenuomu moemu v rogь sinu olêê* (a31–33). На фрагменте Берчича (начало текста): *[vzljub'len]/omu moemu v' rugu [sic! – v' rogu] s(i)na olêê* (a1). В латинском тексте (по Вульгате): *Vinea facta est dilecto meo in cornu filio olei*.

Сравнивая эти тексты, мы не приближаемся к решению загадки о том, что такое «сын масла». Следует обратиться к древнееврейскому оригиналу. Он гласит: *כֶּרֶם הָיָה לִידֵידֵי בֶקֶרֶן בֶּן־שָׁמֶן; kerem haja līdīdī bəqeren ben-šamen*. В дословном (неправильном) переводе: «Виноградник был у возлюбленного моего в роге сыне масла». Слово *קֶרֶן qeren* «рог» употребляется здесь метафорично, в смысле «вершина горы» (итак, *בֶּקֶרֶן bəqeren* «в роге» = «на вершине горы»), а *ben-šamen* (дословно: «сын масла») как определение существительного *qeren* означает «жирный; утуч-

³ Нельзя, конечно, исключить и косвенное влияние греческого языка, так как в памяти переводчика мог быть сохранен старый перевод библейского места, сделанный еще с греческого языка. Ср., например, примечание Ягича (1897, стр. VI) о том, что хорватские переводчики старозаветских пророков (переводя — в XVI веке — с немецкого языка) использовали целые абзацы текста по памяти, будучи «in litteris glagoliticis bene versati».

ненный’, поскольку ‘сын’ — это лишь первое значение слова *ben*, а одним из его переносных значений является ‘характеризованный чем-л.’, как, например, אֲחִילָא *aχila* ‘еда’ — בֶּן־אֲחִילָא *ben-aχila* ‘характеризованный едой’, т.е. ‘съедобный’. Так же: שֶׁמֶן *šemen* ~ *šamen* ‘масло’ — בֶּן־שֶׁמֶן *ben-šemen* ~ *ben-šamen* ‘характеризованный маслом, жиром’, т.е. ‘жирный, тучный, утучненный’. Правильный перевод предложения, следовательно, гласит: ‘У возлюбленного моего был виноградник на вершине утучненной горы’. (Так его осмысливает и Септуагинта: Ἀμπελῶν ἐγενήθη τῷ ἡγαπημένῳ, ἐν κέρατι, ἐν τόπῳ πίονι. (Дословно: ‘...в роге, на тучном месте’.)

Что касается разницы в тексте наших фрагментов (*v’ rogu / v rogy*), она объясняется тем, что выражение *in cornu* можно понимать (правильно) как аблатив (где? — с долгим *-ū*), или же (ошибочно) как аккузатив (куда? — с коротким *-ŭ*).

За словами *in cornu* следует *filio* — это аппозиция слова *cornu*, значит, тоже аблатив. Но раз переводчик будапештского варианта принял *in cornu* за аккузатив, он уже не мог идентифицировать *filio* как аблатив, а только как датив. Так получилось: *sinu olêê*. В другом варианте, на листе 41 I тома Берчича, где текст фрагмента начинается словами [vzljub’len]/omu moemu v’ rugu [sic! – v’ rogu] *s(i)na olêê*, неясна причина употребления словоформы *sina*. (Вероятно, и переводчик этого варианта осмыслил *filio* как датив, но в роли possessiva, и передал его генитивом.)

Ошибочный латинский перевод, как видно, дал основу для еще более конфузного церковнославянского текста.

Неловко переведено и начало этого же стиха на Будапештском адвентском листе (также под влиянием латинского текста): *pěsnь stričiča moego* (*stričičь = stričević* в современном языке). В древнееврейском тексте фигурирует *širaθ dōdi*. Первое значение существительного *dōd* действительно ‘дядя’, но второе, переносное его значение — ‘друг, возлюбленный’. В греческом тексте Септуагинты читается: ᾠδὴ τοῦ ἀγαπητοῦ μου ‘песнь возлюбленного моего’. В тексте же Вульгаты и здесь применяется первое значение слова: *canticum patruelis mei*. Этому соответствует *pěsnь stričiča moego*.

Такие места являются примерами отрицательного влияния латинского текста на церковнославянский перевод.

5. Влияние на лексику

В рубриках, в качестве литургической терминологии, находятся в большом количестве слова, заимствованные из латинского языка, а также — в сравнительно меньшем числе — кальки латинских терминов.

На Будапештском адвентном листе, например, сокращение \bar{A} (*antipona*, *antipon* или *antifon* < лат. *antiphona* [см. Vajs 1907, 559 и 573]) встре-

чается 6 раз, \widehat{BR} (*berašb* < лат. *versus*) 4×, кроме того \widehat{kp} (*kapitolb* или *kapitulb* < лат. *capitulum*), \widehat{imn} 2× (*imanb* < лат. *hymnus*), \widehat{bi} (*bitatoriê* < лат. *invitatorium* [истолковано как *in vitatorium*, см. Vajs 1907, 577]), \widehat{rE} (*rěšponb* < лат. *responsorium*) 3× и т. д.

Примеры можно было бы бесчисленно привести как из памятников в Венгрии, так и из фрагментов Берчича (и вообще из хорватско-глаголических памятников).

Несколько примеров калек: *k jutrni* (~ *ad matutinum*, Botos 1989, a23), *prišstvo* (~ *adventus*, там же), *pěsnb*, *pěsanb* (~ *canticum*), *čtenie* (~ *lectio*), *k večerni* (~ *ad vespervas*), *Nsb* (*naslědovanie* ~ *sequentia*, Botos 1999, 10, 2d11) и т. д.

Употребление подобных латинских терминов и их калек является, конечно, не просто результатом перевода данной рубрики, но оно отражает и постоянно повторяющееся влияние, оказываемое частым — как письменным, так и устным — их применением.*

Литература

- Ботош И. 1983. О глаголических рукописях XIV и XV вв., хранящихся в Университетской библиотеке г. Будапешта: *Russica*, 21–25.
- BOTOS I. 1987. Magyarországi glagolita emlékek. Kandidátusi értekezés. Budapest.
- BOTOS I. 1989. Das Budapester kroatisch-glagolitische Adventsblatt: *Studia Slavica Hung.* 35, 171–213.
- BOTOS I. 1990. Das Budapester kroatisch-glagolitische Tedeum: *Studia Slavica Hung.* 36, 49–58.
- BOTOS I. 1991–92. Blatt eines kroatisch-glagolitischen Breviers mit Karfreitagstext: *Studia Slavica Hung.* 37, 87–112.
- BOTOS I. 1999. Fragmente eines kroatisch-glagolitischen Missals aus dem 14. Jahrhundert: *Studia Slavica Hung.* 44, 1–22.
- Breviarium Romanum. 1478. Venetiis.
- JAGIĆ V. 1897. Proroci Staroga Zavjeta prevedeni na hrvatski jezik u XVI vijeku. Veteris Testamenti Prophetarum interpretatio Istro-Croatica. Vindobonae–Berolini.
- KITTEL R. 1937. *Biblia Hebraica* ... ³Stuttgartiae.
- NESTLE E. 1950. *Novum Testamentum Graece* ... ²⁰Stuttgart.
- ŠTEFANIĆ V. 1969. Glagoljski rukopisi Jugoslavenske Akademije, I. JAZU.
- Vajs J. 1907. Die Nomenklatur in den kroatisch-glagolitischen liturgischen Büchern: *Archiv für slavische Philologie* 29, 550–580.
- VIALOVA S. O. 2000. Glagoljski fragmenti Ivana Berčića u Ruskoj nacionalnoj biblioteci. Faksimili. Zagreb: Hrvatska akademija znanosti i umjetnosti, Ruska nacionalna biblioteka, Staroslavenski institut.
- Вялова С. О. 2000. Глаголические фрагменты Ивана Берчича в Российской национальной библиотеке. Описание фрагментов. Загреб: Хорватская академия наук и искусств, Российская национальная библиотека, Старославянский институт.
- WEBER R. 1975. *Biblia Sacra iuxta Vulgatam versionem* ... 1–2. ²Stuttgart.

* Текст доклада, подготовленного для научной сессии «Глаголица и хорватский глаголизм», Загреб–Крк, 2–6. октября 2002 г. (Из-за личных причин он не был прочитан.)